О произведениях «Ку бас» и «Кысса-и Джумджума»

Легенды о Черепе, об Отрубленной голове, о споре души с телом на Востоке и Западе известны издавна[1]. Впервые в восточной литературе обработка этого сюжета связывается с именем персидского поэта-суфи Фарид-ад-Дина ʿАттāра. Его сочинение «Джумджума-наме» было издано в 1862 г. в Тегеране[2].

Известный ориенталист В. А. Жуковский на основе этого издания и одной копии произведения 1612 г., хранящейся среди куллийāта Фарид-ад-Дина ʿАттāра в фонде публичной библиотеки Санкт-Петербурга, в 1893 г. опубликовал текст с переводом на русский язык[3]. Однако профессор А. Т. Тагирджанов полагает, что сочинение «Джумджума-наме» принадлежит другому поэту тоже по имени ʿАттāр[4].

Во второй половине XIV в. на основе того же сюжета поэт Хусāм Кāтиб написал произведение поучительно-дидактического содержания под названием «Джумджума султāн». Оно является самостоятельным творческим сочинением автора. «Она (тюркская версия. — *Р. И.*) оказалась не переводом с персидского (т. е. сочинения ʿАттāра. — *Р. И.*), а самостоятельной, более полной переделкой легенды, с большой долей мусульманской окраски...»[5]. Такого же мнения придерживается и востоковед Е. Э. Бертельс, который пишет, что о переводе говорить никак нельзя[6].

Академик В. В. Радлов во время экспедиции в места проживания казахов записал из их уст произведение о Черепе и опубликовал его текст под названием «Ку бас» в третьей части своего фундаментального труда «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи»[7]. О его популярности у народа он пишет: «Из поучительных песен более всего поется “Джум-джума”, сочиненная по большой книге того же названия. Мне несколько раз приводилось быть свидетелем, когда эту песню читали в больших собраниях. С напряженным вниманием слушатели следили за словами певца, и на всех лицах выражался ужас при описании мучений, которым после смерти подвергался мусульманин, не исполнивший заповедей религии. Безмолвная тишина слушателей нарушалась только

восклицаниями: “О, велик Господь” и “во имя Бога милосерднаго!”. Мне кажется, что одна песня “Джум-джума” более содействовала утверждению ислама между киргизами, чем сотни мулл, разъезжающих по степи»[8].

В 1910 г. в типографии Б. Л. Домбровского была напечатана книга под названием «Кысса-и Джумджума»[9]. Время и место издания в самом тексте не указываются. В первом и в последнем бейтах другого произведения под названием «Кысса-и Карун див» в той же книге[10], следующей за сочинением «Кысса-и Джумджума», упоминается имя Мауликай.

При сопоставительном анализе текста «Кысса-и Джумджума» с текстом, записанным В. В. Радловым, выясняется, что они оба весьма схожи. Но имеются и отличительные моменты.

Текст «Ку баса» начинается с аллегории о Джумджуме. Далее следует повествование о том, что однажды пророк ʿИсâ во время возвращения из путешествия наткнулся на какой-то человеческий череп, наполненный наполовину водой, наполовину песком. Он тотчас обратился ко Всевышнему с молитвой, дабы тот смог поговорить с ним. Всевышний через ангела Джабрāʾила удовлетворил его просьбу.

Череп после оживления приветствует ʿИсу и выражает свою готовность рассказать о пережитом. ʿИсâ начинает расспрашивать у него о том, кем он был в этом мире — мужчиной или женщиной. Из его рассказа следует, что Череп в прошлой жизни был щедрым человеком, правителем города Шам. У него были четыре тысячи визирей, четыре тысячи слуг, четыре тысячи рабов, еще шестнадцать тысяч купленных рабов. Он не был мусульманином, но правил справедливо, никого не притеснял. К нему постоянно приходили путники, и он их щедро одаривал.

Джумджума правил четыреста лет и все это время был красавцем. Имел десять тысяч жен. После смерти он три тысячи лет испытывал мучения и наконец оказался в этом песчанике.

Узнав о прошлом Черепа, ʿИсâ просит его рассказать о том, как он принял смерть, каково положение в загробном мире. Тот ответил, что если бы знал об ожидаемых его мучениях после смерти, то лучше бы не рождался.

Однажды у Джумджумы после возвращения из путешествия появилось желание развлечься с одной из вышедших встречать его жен. В это время неожиданно к нему в дом вошел какой-то странник с просьбой о милостыни. Правитель выгнал его прочь. После этого он отправился в баню, и там его настигла болезнь.

Правитель созвал мулл и кудесников. Однако от них уже не было никакой пользы — его здоровье день за днем только ухудшалось.

Вскоре к нему явился ʿАзрāʾил с шестью лицами и, неоднократно ударив палицей, забрал его душу.

В могиле к нему пришли два ангела, которые записали его деяния со дня рождения и до смерти. Они спрашивали у него, какому Всевышнему он поклонялся, сопровождая свой вопрос угрозами.

Далее Череп повествует о наказаниях грешников в аду: не прочитавшие молитву во время поста (руза) подвергаются мучению в Ауже; прелюбодеи — в Шагыте; обидевшие своих родителей — в Нагбыре; перепродавцы — в Расыте; колдуны, шаманы — в Лазите; поленившиеся прочитать молитву — в Катиме, высокомерные — в Джаханнаме.

После оживления Джумджума, отказавшись быть правителем, еще 80 лет своей жизни провел в молитвах, а после смерти попал в рай.

Произведение заканчивается словами о том, что рассказанное есть в Коране и книге, имеющейся у муллы-наставника, который обучал данного повествователя.

Объем текста составляет 280 поэтических строк.

«Ку бас» и «Кысса-и Джумджума», как и произведения ʿАттāра, Хусāма Кāтиба, характеризуются тем, что в них отсутствует традиционное введение, которое, как правило, включает в себя жанровые виды лирики — таухид и мадх (признание единственности Всевышнего и его прославление); наʿт (восхваление пророка Мухаммада и его четырех сподвижников); посвящение произведения какому-то адресату.

В средневековой восточной литературе в целом и персидской в частности

известны факты такого начала произведений, как у ʿАттāра и Хусāма Кāтиба. Например, Е. Э. Бертельс о поэме XI-XII вв. Санāʾи «Сайр ал-ʿибāд илâ~лмаʿāд» (Странствие рабов [божьих] к месту возврата) пишет: «Начинается это произведение довольно необычно. Минуя всякое славословие Мухаммеда, поэт обращается к ветру, “царственному гонцу, обладающему водным престолом и пламенным венцом”»[11].

Также в текстах «Ку баса» и «Кысса-и Джумджума» нет элегических размышлений о бренности мира, например, как в «Джумджума султāне» Хусāма Кāтиба, подкрепленных упоминанием о давно ушедших исторических личностях и коранических персонажах, которые прославились своими добрыми или неблаговидными деяниями[12], описанием праха земли, на которую человек наступает ежедневно*. Всего этого нет также и в «Джумджума-нāме» ʿАттāра.

Несмотря на соответствие во многом двух произведений, в их текстах наблюдается изменение слов, строк, перестановка слов. Обратим внимание на начало произведения «Ку бас»:

Һарандар, *іманыңдан күдөрүзбö,*
аітаін осу мäсäлä ендї сізгä,
пігамбар таксыр Каіса бір күнördö,
сеіл кура шыгыпты мīдаі түзгö[13].

Близкие, не отступайте от веры,
Расскажу вам эту аллегорию,
В один из дней благочестивый пророк ʿИсâ
Отправился в путешествие по полю.

Начало в «Кысса-и Джумджуме» звучит так:

Егетләр, *иманыңдан күтәрүзмә,*
Айтайын аз мәсьәлә инде сезгә,
Борынгы үтеб киткән ир Җөмжөмә,
Кылыбды гъәмхурчылык борын безгә[14].

Джигиты, не отступайте от веры,
Расскажу вам немножко эту аллегорию,
Умерший в древности мужчина Джумджума
Вызвал у нас изначально сочувствие.

Завершение текста «Ку бас»:

Күнүндö өлгöндö бар, туганда бар,
өзүңнөн һаксыда бар, һаманда бар,
бү сöзүм кытаппïнäн кур'анда бар,
үröткön устат кылып молдамда бар[15].

За день бывает и умирает, и рождается,
Бывает и лучше тебя, и дурнее,
Сказанные мною слова есть
и в книге, и Коräне,
[Которая имеется] у обучавшего меня моего учителя.

Окончание в «Кысса-и Джумджуме»:

Көнендә туганда бар, үлгәндә бар,
Үзеңнән йахшы да бар йаман да бар,
Коръән менән китабдан истәб алдым,
Үземне *өйрәткән мелламда бар.*
Җөмжөмә китабым тәмам булды,
Сызуга камыс къәләм йаман булды,
Төн урда да китабны сызыб булды,
Къәләм табмай күңлемә аның булды[16].

За день бывает и рождается, и умирает,
Бывает лучше тебя и дурнее,
Отыскал из Корана и книги,
[Которая имеется] у обучавшего
меня моего учителя.
Книга моя про Джумджума завершилась,
Для писания камышовая ручка была плохая,
В середине ночи завершил эту книгу,
Завершилась не находя ручки
для сердца моего.

Вызывает интерес и то, что в обоих текстах наблюдаются схожие моменты с произведением «Джумджума султāн» Хусāма Кāтиба. Например, причина заболевания правителя поэтом XIX в. Мауликаем Юмачиковым описывается так: Джумджума устроил пир, и там у него появилось желание развлечься с одной из наложниц, окружающих его. Когда он был «занят любовью», неожиданно к

* Согласно восточной философии, мир состоит из четырех элементов — огня, воды, воздуха и земли, и существование человека имеет прямое отношение к ним. Хусāм Кāтиб, умело используя символические средства художественного выражения, проводит тезис о том, что «человек создан из праха и возвращается в прах» и из праха погребенного вырастают травы, цветы (также см.: Хайям Омар. Рубайят / Омар Хайям. – Казань: Казан басмасы, 1993. – С. 149; Бертельс Е. Э. Избранные труды: История персидско-таджикской литературы. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. – С. 454; Джалаладдин Руми. Газели. Притчи / Сост., предисл., прим. Р. Хадизаде. Перевод с таджикского В. Державина, А. Галембы, Т. Стрешневой, Д. Виноградова, Г. Ашкинадзе, Ф. Хади-заде. – Душанбе-Адиб, 1988. – С. 37; «Кутадгу билик» Йусуфа Баласагуни: Kutadgu Bilig. Tıpkıbasım. II. Fergana nüshası. – İstanbul: Alâeddīn Kıral Basımevi, 1942. – S. 23).

нему вошел слуга и сообщил о приходе какого-то нищего с просьбой о милостыни. Рассерженный правитель, естественно, выгнал его с окриками: «Ах дурак, разве это время для милостыни, разве это время внимать тебе или другому?».

Слуга, в свою очередь, отругал нищего, и тот ушел с «расстроенным сердцем». Султан, быстро осознав свой поступок, велел найти нищего, но его нигде не нашли.

Удовлетворив свои желания, правитель отправился в баню. Но стоило ему опрокинуть на себя один таз воды, тотчас на его голове появилась опухоль. Он, обессиленный, падает на землю, и лицо его покрывается желтизной (а в персидском сочинении Джумджума заболевает после возвращения с охоты).

Отметим, что названия адов в тексте «Ку бас» — Аужа, Шагыт, Нагбыр, Расыт, Лазит, Катим, Джаханнам — соответствуют названиям адов из произведения «Джумджума султāн» Хусāма Кāтиба — Хавийа, Сакар, Хотама, Лаза, Сагир, Джахим, Джаханнам[17].

У Хусāма Кāтиба при жизни бывшие султаны сожалеют о том, что были правителями, и если бы они знали, что их ожидает в загробном мире, то предпочли бы быть нищими. А в произведении Мауликая Юмачикова и в тексте, записанном В. Радловым, такое расскаяние звучит из уст Джумджумы:

Хан булмай бер мосафир булсам иде,
Ходайга колчылыкны кылсам иде,
Фәрештәләр газабны кылганнан соң,
Үкендем, падишаһ нигә булдым инде[18].

Если бы я был странником, а не ханом,
Непрестанно молился бы Всевышнему,
После наказания ангелами
Сожалел о том, почему я был правителем.

В произведении «Кысса-и Джумджума» после наказания в аду Джумджуму ведут на гору Сакрат и бросают в кипящую воду ʿАзбан. Этот эпизод во многом напоминает долину Асфаль из произведения Хусāма Кāтиба, где мучение в сотни тысяч раз сильнее.

Что касается упоминания наряду с Кораном книги, использованной в качестве источника при сочинении автором своего произведения и имевшейся у его учителя, то она, возможно, была одним из изданий «Джумджума султāна». По-видимому, она была рукописной, так как впервые типографским способом была напечатана в 1872 г.

В. В. Радлов отмечает, что «книжные песни я переписал с помощью неграмотных киргизов (казахов. — *Р. И.*); избегая при этом некиргизские грамматические формы и слова, я все заимствованное из арабского и персидского языков старался сообщать в простонародных формах, несмотря на то что в рукописях многое написано было совершенно правильно. Таким образом, эти песни получили более киргизский характер, чем тот, который они имели в подлиннике»[19].

Как видно, хронологически «Ку бас» уже был известен до издания «Кысса-и Джумджума». Это наводит на мысль о том, что Мауликай Юмачиков[20] или обрабатывал бытовавшие в народе произведения, или опубликовал известный ему вариант, принадлежащий перу неизвестного до сих пор другого автора.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. О споре души с телом в памятниках средневековой литературы см.: Опыт историко-сравнительного исследования Ф. Батюшкова. – СПб., 1891. – С. 24, 281; Трощанский В. Ф. Опыт систематической программы для собирания сведения о домусульманских верованиях якутов // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типо-литогр. Имп. Казан. ун-та, 1897. – Т. XIV. – Вып. 3. – С. 292-360; «Прение живота и смерти» // Хрестоматия по древней русской литературе XI-XVII веков: изд-е шестое, исправл. / Сост. Н. К. Гудзий. – М.: Гос. учебно-педаг. изд-во, 1955. – С. 34-306; Гордлевский В. А. Избранные сочинения: в 4 т-х. – М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1960. – Т. 1. – С. 338, 356, 393, 448; Татар әдәбияты тарихына материаллар: Татар әдәбияты тарихыннан студентларның практик дәресләре өчен уку материаллары / Төз. Хатип Госман. – Казан, 1970. – Б. 5-6; Ахметгалеева Я. С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы». – М.: Наука, 1979. – С. 37-41.
2. Тагирджанов А. Т. Описание таджикских и персидских рукописей восточного отдела библиотеки ЛГУ. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1962. – Т. 1. – С. 269.
3. Жуковский В. Легенда об Иисусе и черепе в персидском стихотворном сказе Аттара // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. 1892. – СПб., 1893. – Т. VII. – С. 63-72.
4. Тагирджанов А. Т. Указ. соч. – С. 269-270.

5. Жуковский В. Указ. соч. – С. 69-72.
6. Бертельс Е. Литература народов Средней Азии от древнейших времен до XV века н. э. // Новый мир. – 1939. – № 9. – С. 272.
7. Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. – СПб., 1870. – Ч. III. – С. 681-692.
8. Там же. – С. XXI.
9. Кыйссаи Җөмҗөмә. Казанда Домбровский матбагасында басма улынмышдыр Хөсәенев вәрсәләренең хәражәте илән 1910 нчы елда. – 16 б. (на арабской графике).
10. Там же. – Б. 11.
11. Бертельс Е. Э. Одна из мелких поэм Сенаи в рукописи Азиатского музея // Доклады Российской академии наук. – Л., 1925. – С. 40.
12. См.: Исламов Р. Ф. Об одном элегическом в тюркских письменных литературных памятниках средневековья // Гуманитарные науки в Башкортостане: история и современность: материалы Международной научной практической конференции, посвященной 75-летию Института истории, языка и литературы УНЦ РАН. – Уфа: Гилем, 2007. – С. 105-107.
13. Радлов В. В. Указ. соч. – С. 680.
14. Кыйссаи Җөмҗөмә. Казанда... – Б. 2.
15. Радлов В. В. Указ. соч. – С. 692.
16. Кыйссаи Җөмҗөмә. Казанда... – Б. 2.
17. Однако имеющееся в тюркоязычном произведении подробное описание событий в аду, связанных с наказанием там грешников по степени содеянного ими в этом мире, как известно, в персидской литературной обработке легенд отсутствует. Эта важная, по нашему убеждению, центральная составляющая, эмоционально-психологически воздействующая на читателя часть произведения не нашла своего отражения ни в одном рассказе о Джумджуме, включенном в антологию литератора середины XIV в. шейха Шихāб ад-Дина ал-Абшихи под названием «Китаб ал-мустатраф фи куллӣ фанн ал-мустазраф» (Книга об интересном в каждом виде изяществ):Татар әдәбияты тарихына материаллар... – Б. 5-6. Далее отметим, что эпизоды из ада все же присутствуют в другом, также арабском прозаическом произведении, более древнем, чем ал-Абшихи, «Хикāйат-у Джумджума» (Рассказ о Джумджуме) в книге «Зухрат ар-рийад ва нузхат ал-кулуб ал-мирад» (Красота садов и утешение страдающих сердец), автором которой является писатель начала XII в. Сулеймāн ибн Дауд ал-Саксини, выходец из города Саксин поволжской Булгарии: Шарафутдинов Д. Рукопись из древнего Саксина / Д. Шарафутдинов // Гасырлар авазы — Эхо веков. – 2003. – № 1/2. – С. 19-25. Некоторые моменты, связанные с наказанием в аду, наблюдаются у Сулеймāна Бакыргани при описании им миʿрāджа пророка Мухаммеда: Бакырган китабы. Бу китаб басма улынмышдыр Казанда Чиркоф хатынының вәрсәләренең табыгханәсендә Шәмседдин Хөсәен углының хәражәте илән 1907 нче елда. – Б. 16. (на арабской графике). Описание эпизодов наказаний грешников в аду, схожих с версией Хусāма Кāтиба, имеется в агиографическом произведении XIII в. «Ахвāл-и кийāмат»: Исламов Р. Еще раз о «Джумджума султан» Хусама Катиба / Р. Исламов // Гасырлар авазы — Эхо веков. – 2004. – № 1/2. – С. 19-26. Повествование о наказании грешников в аду присутствует и в произведении «Нахдж ал-фарāдис» (Открытый путь к раям), созданном в середине XIV Махмудом Булгари: Nehcü'l-Ferādīs. Uştmahlarnıng acuq yolı (Cennetlerin açuq yolı). I. Metin. II. Tıpkıbasım... – S. 48-50, 241; в произведении Мухаммеда Челеби «Мухаммадийа»: Мөхәммәдия. Ушал Мөхәммәдия китабы табыг улынмышдыр Мөхәммәдгали бине Минһаҗеддин әл-Казаниның мәсарыфилә фи матбагаи Думбравийә фи сәнә 1903. – Б. 283. Описание наказания грешников в аду в восточной литературе своими корнями уходит в глубь истории. Например, зороастрийское произведение «Книга об Артак-Виразе» (Артāк-Вирāз нāмак) «повествует о том, как некий праведный муж по имени Артак-Вираз совершил хождение по раю и аду и, возвратившись, описал отправившим его туда жрецам свои наблюдения. Известная свойственная зороастризму сухость и методичность есть и здесь, особенно в описании кар, налагаемых в аду на грешников. Все проступки разбиты по клеточкам на категории и степени, и наказание в точности соответствует преступлению»: Бертельс Е. Э. Очерк истории персидской литературы / Е. Э. Бертельс. – Л.: Изд-е Ленинград. вост. ин-та им. А. С. Енукидзе, 1928. – С. 19. В средневековой персидской литературе описание наказываемых грешников присутствует в творчестве Сана'и, а именно в его произведении «Сайр ал-ʿибāд илā~л-маʿāд». В связи с этим Е. Э. Бертельс пишет: «Нельзя не признать, что Сана'и прав и что, действительно, если не считать древних зороастрийских сказаний, таких как, например, предание об Артак Виразе, то в собственно персидско-таджикской литературе подобная тема появилась впервые, да и в дальнейшем разрабатывалась не часто»: Бертельс Е. Э. Избранные труды: История персидско-таджикской литературы. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. – С. 413.
18. Кыйссаи Җөмҗөмә. Казанда... – Б. 6.
19. Радлов В. В. Указ. соч. – С. XIX.
20. Подробно о нем см.: Гайнетдинов М. Поэзия // Татар әдәбияты тарихы: алты томда / Том редколлегиясе: Гайнуллин М. Х. (җаваплы редактор), Ханзафаров Н. Г. (җаваплы редактор урынбасары), Гайнетдинов М. В., Әхмәтов Р. Ә. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – 2 т. XIX йөз татар әдәбияты. – Б. 398-402.

Рамил Исламов,
доктор филологических наук